

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Мои родители, мать – Бугаева (Носкова-Троне) Ольга Савельевна (25.12.1919–24.11.1993) и отец – Бугаев Федор Иванович (5.05.1922–24.12.2000) встретились в Хабаровске и поженились в 1948 г.

Мама родилась в с. Тихменево Приморского края, отец – в с. Даниловка Павлодарской области Казахской ССР.

Отец вернулся с войны капитаном. Служил при штабе. Был ранен – подорвался на mine. Имел боевые награды – два ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медали – «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За победу над Японией». После демобилизации стал учиться заочно в Хабаровском юридическом институте.

Мама работала на главпочтамте в Хабаровске, куда приехала в возрасте 18 лет из с. Тихменево. Закончила бухгалтерские курсы.

Родители приехали на Камчатку еще за год до моего рождения. Когда мне исполнилось 6 лет, они расстались. Отец женился во второй раз.

Моя мама всю жизнь проработала бухгалтером. В 1970 г. вышла на пенсию, уехала с Камчатки и много лет прожила в Приморье в пос. Горные Ключи.

Отец с 1959 г. и до ухода на пенсию работал в Петропавловске-Камчатском – в областном суде и прокуратуре. Последние годы перед пенсией он занимал должность старшего помощника прокурора Камчатской области. В 1978 г. со своей женой Валентиной Константиновной Шилкиной переехал в г. Вильнюс.

После смерти моей мамы у нее в бумагах я нашел удостоверение на имя Носковой Ольги Савельевны. Получается, что ее девичья фамилия была фамилией ее матери и она рождена вне брака? Мне она всю жизнь говорила, что ее отец имел фамилию Троне.

В связи с открывшимися обстоятельствами можно предполагать, что ее мама (Носкова), имея на руках маленькую Олю Носкову, вышла замуж за крестьянина-переселенца с Украины по фамилии Троне. Поэтому в дальнейшем про нее говорили, что она из Троне, которые переехали в Тихменево в период Столыпинской реформы. Мать Оли отец часто бил. Не связано ли это с прошлым моей бабушки?

Получается, что не ясно, кто истинный отец моей мамы. Возможно, им являлся неизвестный военный (Белой или Красной гвардии), которыми в то время был полон Дальний Восток.

В 1949 г. родители из Хабаровска уехали на Камчатку, на самый ее север – в пос. Тилички, расположенный в Олюторском районе Корякии. Отец стал работать судьей. Мы жили в маленьком домике, состоящем из комнаты и кухни. Мама тогда не работала. Воспитывала меня.

Самые мои первые детские впечатления – это пос. Тилички. Мне около трех лет. В начале 1950-х гг. там существовали проблемы с электричеством, которое подавали только в определенные дни и часы.

Отец сделал в огороде ветряк. И сейчас хорошо помню, что электрические лампочки в нашем доме то ярко горели, то практически гасли. Все зависело от силы и направления ветра. Однажды, когда был ураганный ветер, в доме от электрической лампочки загорелся абажур и начался пожар. На следующий день отец ветряк разломал.

Еще помню наших ездовых собак. Отец по долгу службы ездил по дальним селам Корякского национального округа на собственной собачьей упряжке. Мне он тоже сделал маленькую нарточку. У нас жили 12 ездовых

собак. Зимним традиционным кормом для собак была юкола из лососей (вероятно, горбуши и кеты). Однажды отец кормил собак, и я, трехлетний, начал отнимать рыбину у одной из них. Та, естественно, цапнула меня. После этого с левой стороны лица у глаза остался шрам на всю жизнь.

Отец привез из Хабаровска фотоаппарат «Киев» и очень любил фотографировать. Однажды, в середине марта 1953 г., он захотел запечатлеть меня на фото. В тот день стояла очень хорошая погода и было тепло.

Усадил в нарту, запряг двух передовиков. Пока бегал в дом за фотоаппаратом, псы по хорошо известной им и накатанной дороге «рванули» через пролив в пос. Корф. Это мне рассказывала мама.

В Корфе меня ждала незавидная судьба, т. к. псы скорее всего побежали бы к какой-нибудь «собачьей стоянке», затеяли драку с ранее прибывшими или аборигенными собаками, и мне бы плохо пришлось. Вернее всего, голодные псы разорвали бы меня в клочья.

Родители с оставшимися собаками на большой нарте бросились за мной вдогонку. По дороге встретила почтовая нарта, и каюр-коряк, недолго думая и понимая опасность ситуации, выстрелил из карабина в собак (или в воздух). Я не знаю, попал он или не попал. Но собаки вдруг резко шарахнулись в сторону и меня на всем ходу выбросило из нарты в снег. А собаки с пустой нартой побежали дальше.

Из этой истории помню только, что сидел в нарте, ярко светило солнце, собаки быстро бежали, мне стало тепло и я быстро уснул. Проснулся оттого, что меня выбросило в снег лицом вниз. От резкого холода испугался и заплакал. Потом сел в снег и увидел нарты, много собак и незнакомого дяденьку, который махал кому-то руками. Через несколько минут подъехали родители. Мама меня обняла, а я еще сильнее заплакал. После этого случая отец собак продал.

И еще один, последний, случай из корякской жизни – на море. Родители ездили из Тиличик на весельной гребной лодке за несколько километров собирать уголь, который выбрасывало в шторм на морской берег. Этот уголь после штормов собирали в мешки и использовали в хозяйстве в качестве топлива.

Я тоже помогал собирать уголь: быстро бежал за убегавшей волной, хватал кусок угля на открывшемся песчаном пляже и довольный бежал к маме. Один раз побежал очень далеко, и меня на обратном пути волна догнала, накрыла и выбросила мокрого на берег. На этом моя помощь и закончилась.

Мама еще рассказывала, что в возрасте двух лет я однажды ушел в тундру и меня целый день искали, но ничего этого не помню.

Летом 1953 г. отца перевели в Усть-Камчатск, и мы стали жить в поселке на правом берегу р. Камчатки – «деревне». Отец ежедневно ездил на работу на другую сторону реки – в Варгановку и на Усть-Камчатский рыбоконсервный завод (РКЗ). Рядом с нашим домом находились метеостанция и сельский клуб. У реки, за 200 метров от дома, располагались магазин и пристань.

Один раз пошел в магазин за хлебом. Магазин был закрыт на обед. Сидел на берегу и терпеливо ждал, пока откроют. Подъехала лодка с рыбой, и я попросил у рыбака рыбину. Рыбак дал мне чавычу с наполовину оторванной головой. Помню, что волок чавычу по земле и хвост ее тащился по пыли. Мама была очень довольна. Мальчишки в округе звали меня Судейка – по профессии отца.

В период нашей жизни в Усть-Камчатске я однажды летом нашел деньги. Много денег. На краю деревни стоял мостик через речку или заливчик. Мама мне категорически запрещала заходить на него. Очень редко, но я все-таки приходил к этому мостику.

Дело шло к вечеру. Сидя на мостике, вдруг увидел, что прямо ко мне плывут большие новые 100 рублей. Тут же их поймал. Мною овладел охотничий инстинкт. Увидел, что по реке плывут еще, как кораблики, деньги. Быстренько сбегал за прутиком и с мостика стал их отлавливать.

Чтобы экономить время, засовывал деньги в майку, которая была на мне. Как только деньги перестали помещаться в майку, так они сразу же перестали плыть по реке. Вечерело. Еще немного посидел, подождал, но деньги больше не плыли. Мой улов, в основном, состоял из десяти- и двадцатипятирублевых.

Когда пришел домой, меня уже ждали мама и какая-то тетенька, которая сильно ругалась и кричала, чтобы ей отдали деньги. Их сразу же отдали. Мама меня при тетеньке отшлепала, и та, довольная, ушла домой. Так

и не понял, за что мне досталось. Денег на конфеты «ассорти» в тот раз мне не дали. До сих пор мне кажется, что свои 100 граммов шоколадных конфет в тот день я заработал честно.

Много позже, 20 июня 1975 г., проезжая на лодке вверх по р. Камчатке мимо «деревни», увидел памятный мне с детства «денежный мостик» и понял ситуацию, происшедшую более 20 лет назад.

Дело в том, что недалеко от деревни, выше по течению реки, находилась (и сейчас находится) рыбалка колхоза «Путь Ленина» – «Усть-Камчатск» или «Девятка». Некоторые рыбаки, живущие в деревне, не ездили на рыбалку на лодках, а ходили пешком. Не исключено, что в тот день, когда я наловил много денег, какой-то рыбак, обиженный на жизнь (например, жена поймала в кустах с поварихой с рыбалки), решил избавиться от части заработанного. Может быть, в тот день и получку давали... Но бросал он их выше моста – это точно. Начался отлив, и деньги поплыли в Тихий океан.

Однажды весной, под вечер, когда мне уже исполнилось 6 лет, я сказал маме: «Мама, посмотри, как солнышко блестит из-за туч». На следующий день из разговора родителей понял, что извергался вулкан Безымянный в Ключах.

В дни извержения Безымянного в 1956 г. наступила большая оттепель и стоял гололед. Шел дождь. Двор у нас был залит на 5–10 сантиметров водой. Я ездил на санках по воде, отталкивался лыжной палкой и представлял себя плывущим на лодке.

Уже много лет спустя, в июле 1975 г., будучи на оз. Азабачьем, увидел необыкновенный блеск солнца. Вспомнил: «Мама, посмотри, как солнышко блестит...» и подумал, что где-то извергается вулкан. Как потом оказалось, это начал извергаться вулкан Толбачик.

Помню, что отец иногда не ночевал дома. Возвращаясь, он кричал в потолок: «Ольга, ты человек!!! А я? Я – идиот!!!» Как-то, чтобы выглядело убедительнее, разорвал наполовину голубой плюшевый ковер с оленями на берегу ручья. Потом долгие годы этот разорванный ковер украшал наше с мамой жилье. Мама плакала. Говорила про какую-то Шилкину, озеро Ажабачье, Ушки, Козыревск и снова плакала.

Осенью 1956 г. мама переехала в Козыревск, где мы прожили несколько месяцев. Весной перебрались в Елизово. Она устроилась бухгалтером и получила квартиру в «финском» доме (на две семьи), состоящую из комнаты и кухни. Первый класс я закончил в Елизово.

Сделав уроки, обычно читал А. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» или собирал из двух комплектов металлических конструкторов большие фантастические механизмы – экскаваторы, подъемные краны, автомобили.

Конструктор состоял из наборов дырчатых алюминиевых пластинок, уголков, колесиков, гаечек и винтиков. Сейчас таких конструкторов почему-то не продают. Во всяком случае, они мне ни разу не попадались на глаза. А играть в такой конструктор оказалось интересно – иногда целыми днями скручивал и перекручивал гайки (меняя соотношение деталей) этой замечательной игры. Таким образом, технику начал познавать еще в детстве.

Затем мама переехала в Старую Тарью (ныне район пос. Приморского). Там она «сошлась» с дядей Ильей – радиомехаником. С ним жил сын Владик старше меня на четыре года. Иногда Владик меня бил. У Владика была мама, которая жила с другим дядей, которого полюбила и ушла из семьи. В Старой Тарье мы провели одну зиму. Закончил второй класс отличником.

Потом мы переехали в Паратунку. Дядя Илья остался в Старой Тарье. Мама устроилась в Паратунский детский дом работать главным бухгалтером. Ей дали половину вновь построенного дома, состоящего из комнаты и кухни. С третьего по восьмой класс я учился в Паратунке.

Первые два года дядя Илья иногда к нам приезжал. Один раз зимой мы ездили с мамой в Старую Тарью из Паратунки в санях на лошади. Несколько раз она ездила одна.

И, наконец, я уже учился в пятом классе, когда она попросила меня перед Новым годом сходить на лыжах

в Старую Тарью и передать дяде Илье письмо, а Владу – маску зайчика из папье-маше. Меня согласился сопровождать мой друг тех времен Виктор Пашенко (старше меня на два года). Как сейчас понимаю, из Паратунки до Тарьи было 18 километров в один конец.

Вышли мы на лыжах в 9 часов утра. В 14 часов пришли на квартиру к дяде Илье, но его не было дома. Был лишь один Владик. Я поздравил его с наступающим Новым годом, оставил письмо, подарил новогоднюю маску, и в 15 часов мы отправились назад.

Где-то на половине дороги я уже сильно устал. Виктор держался лучше. Лыжи свои я бросил (спрятал в кустах) сразу же, как только мы перешли по льду р. Паратунку. Пошел пешком. Выбрались на «паратунскую тундру» – в трех километрах горели огни поселка. За километр до поселка я уже начал замерзать и падать.

Виктор бросил лыжи (закопал у какого-то номерного столба), и тут на лошади в санях к нам подъехали две мамы: моя и мама Виктора – тетя Галя. В 10 часов вечера уже были дома. Потом мама пошла распрягать лошадь в конюшню детского дома. Когда ехал в санях, думал, что дома будет гореть печка, но там было холодно. Мама и тетя Галя потом долго не разговаривали, хотя мы жили в соседних домах.

С дядей Ильей моя мама больше не виделась. Через два года он умер от рака. В Елизово у него имелись родственники. Уже взрослым я видел фотографию, где он лежал в гробу, и рядом сидела моя мама в страшном горе. Вероятно, она его сильно любила. У него росли усы, как у Василия Ивановича Чапаева. Владика больше никогда не встречал.

В Паратунке мы жили на территории детского дома. Друзей из детского дома у меня не появилось, хотя в школе учились вместе. Сразу же мне присвоили кличку Бугай. Даже спустя почти 40 лет, проходя по Паратунке, слышал за своей спиной: «Смотри, Бугай приехал».

Когда учился в институте во Владивостоке, то некоторые студенты так же звали меня – Бугай, хотя и не догадывались, что они не первые. Не знаю, как звали за глаза в КоТИНРО, и никогда не пытался это выяснить.

Ближе всех в своем детстве сошелся с детьми сотрудников и воспитателей детского дома – Витей Пашенко, Юрой Вторушиным, Витей Тюменцевым, Славой Баяевым, Валерой Федориным и Вадиком Жиронкиным.

Были и враги – Витька, Валерка и Мишка Бурименко (всего их было 5 или 7 братьев). Не знаю, чем я им не нравился, но особенно в 7–8 классах мне частенько от них доставалось.

Хорошие отношения с Юрием (Ивановичем) Вторушиным и Виктором (Леонидовичем) Тюменцевым сложились на всю жизнь. После окончания 8 класса мы втроем пошли в школу в Елизово, где и закончили 9–10 классы. После поступили в разные институты. Не все, правда, с первого раза.

С мальчишками ходили в походы на окрестные сопки, рыбачили на «Зеленке» (нерестилище кеты и кижуча в истоке р. Хайковки) и р. Паратунке, строили вместе «халабуду» в роще.

Халабуда – это небольшой домик (3 x 2 м), сложенный нами из остатков бруса среди нескольких берез недалеко от дома Юры Вторушина. Там имелась дверь, маленький столик, окно, лестница внутри на чердак. Стоять там можно было только наклонив голову. На чердаке сделали маленькое окошко. Иногда в халабуде мы спали днем или делали вид, что спим: двое внизу, а один на втором этаже под крышей.

В халабуде я ночевал только два или три раза. Чаще там спали Юра Вторушин с Валерой Федориным. А наверх они меня не пускали, чтобы халабуду не развалил.

Осенью старшие братья Юры попилили халабуду на дрова и наша лесная жизнь закончилась. В это время мы с Юрой с удовольствием читали Э. Сэттона-Томпсона «Маленькие дикари».

Когда закончил шестой класс, старший брат Юры, Виктор, построил из одного листа фанеры маленькую лодку – тузик. Вычитал, как его построить, в «Пионерской правде». Выкрасил в голубой цвет. Сделал весло с двумя лопастями на концах. В общем, для меня это являлось пределом мечтаний. Мне дали на нем прокатиться всего один раз, и больше не давали.

Свое желание проводить время на воде мы с моим другом Виктором Пашенко реализовывали следующим образом. Периодически, рано утром, воровали одну из нескольких небольших деревянных лодок (пришвартованных в истоке р. Хайковки) и прятали ее несколькими километрами ниже – в районе «Зеленки». На лодке ездили рыбачить по всей р. Хайковке до впадения ее в р. Паратунку. До спрятанной в кустах лодки добирались по береговой тропинке, что вела на «Зеленку». Так продолжалось почти все лето.

Однажды наступила моя очередь воровать лодку. Я ее благополучно украл в 3 часа ночи, а к 6 утра уже спрятал на «Зеленке». Как только спрятал, сразу же услышал шаги хозяина, который шел по берегу. Хозяин

меня не увидел, хотя я сидел в кустах в 20 метрах. После этого случая лодок больше не воровал. Да и облюбованную нами лодку куда-то перегнали, а остальные были слишком большими.

В школе учился на четверки, иногда получал пятерки, проскакивали и тройки. Восьмой класс закончил без троек. У меня выходила тройка по русскому языку. Но на экзамене получил пятерку, и в свидетельство об окончании поставили четверку.

Мама никогда не заставляла учить уроки. После школы (я учился в первую смену), обычно обедал, отдыхал до 15–16 часов, а потом садился за уроки. К 18 часам домашнее задание заканчивал. Затем шел играть с друзьями на улицу.

Помню, однажды в январе 1965 г. мама с работы принесла много камбалы и клешней крабов. Я очень удивился этому. Она объяснила, что для корма свиней Паратунского детского дома, где она работала, привезли несколько самосвалов камбалы, которые разгрузили у сараев, и сотрудникам разрешили брать себе рыбу. А клешни крабов находились среди камбалы.

На следующий день ходил к этой куче рыбы и выбирал крабов. На ней уже «трудились» несколько мальчишек. В тот раз набрал почти ведро крабов. Потом ходил на «крабовую банку» еще два или три раза, но мой улов с каждым разом становился все меньше и меньше. Тем не менее, этот случай навсегда мне запомнился. Хорошее не забывается.

Когда учился в 7 классе, в жизни мамы появился Борис Михайлович Барсов – для меня дядя Боря. Он был буровик-гидрогеолог и работал в районе Паратунки сменным мастером на буровой установке. От звал меня Виктором. Иногда, в шутку, – «индейцем». Мне это нравилось.

К нашему дому стали подъезжать необыкновенные машины и вездеходы – ГТСки и ГТТ. В дом с дядей Борей стали часто приезжать гости – его друзья: начальник Паратунской гидрогеологической партии Владимир Федорович Винокур со своей подругой – молодым специалистом Ларисой Пашенко.

Поросенка осенью мы уже не резали, как все в Паратунке, а стреляли из пистолета «ГТ». Это казалось чем-то необычным.

В целом, «дружба» моей мамы с дядей Борей очень сильно повлияла на всю мою дальнейшую жизнь. В свободные дни я ходил за пять километров в район работы гидрогеологической партии. Там стояли балки, в которых жили сотрудники партии. Для меня составляло большое удовольствие ночевать в спальнях мешках в этих балках под уханье железной печки, куда время от времени подливали солярки, чтобы лучше горела.

Именно там, согретый железной печкой, в ватном спальном мешке-кукуле впервые прочитал «Одиссею капитана Блада» Р. Сабатини и «Остров погибших кораблей» А. Беляева в «приключенческой» обложке-рамочке. Дал мне их почитать буровик дядя Валя Куличенко.

Впоследствии для меня всю жизнь самым приятным стало чтение в полевых условиях, в непогоду, под треск дров в печи. Машина времени безотказно переносила в детство. Может, поэтому многие люди любят проводить время на дачах – машинах времени, которые возвращают людей в детство?

Сейчас на месте бывших домиков-балков гидрогеологов раскинулся широко известный своим тепличным хозяйством пос. Термальный.

В связи с тем, что в Паратунке имелась только школа-восьмилетка, после окончания мною 8 класса мы с мамой переехали в Елизово. Один год мы жили на частной квартире по улице Беринга, 9. Затем она получила одну комнату в двухэтажном доме по улице Строительной, 15.

Когда перевезли свои вещи в эту одну комнату, я пришел в ужас: как мы будем жить?! Но жить пришлось, хотя и очень тесно. Кое-что пришлось ставить в два этажа. Никого к себе в квартиру не приглашал – мне было стыдно из-за тесноты. Дядя Боря сюда к нам стал приезжать реже.

Его приезды сводились к тому, что он спал, читал, пил водку и шампанское и снова спал. Не вылезал из постели по 3–4 дня. Иногда он просил меня сходить купить 2–3 бутылки шампанского. Я с удовольствием ходил. Пробовал вино, и оно мне нравилось.

Когда жили в Паратунке, дядя Боря тоже вел «постельный» образ жизни. Мама моя недоумевала: «Почему Борис Михайлович все время спит?». Позже я понял эту тягу ко сну. Став профессиональным исследователем, проводя по 3–4 месяца в палатках, охотничьих землянках, случайных жилищах, после возвращения домой первые несколько дней я всегда отсыпался или находился в постели с книгой. Чтобы было тепло, чисто, сухо, комары не кусали и не гудели.

Через несколько дней этот синдром исчезал, и я начинал вести активную городскую жизнь. Но знаю некоторых полевиков (морских исследователей, моряков), у которых желание проводить в постели все свободное от работы время затягивалось иногда на месяцы и годы.

Но, видимо, с возрастом и накапливающейся усталостью организм требовал отдыха в уютной спокойной обстановке. Это когда-то и происходило у Бориса Михайловича.

Позже эту странную и непреодолимую сонливость я называл «синдромом бродячих романтиков». Если смотреть более широко, то синдром является частью какой-то более общей закономерности и характерен для людей ненормированного труда, людей трудной судьбы и т. д.

Уже в настоящее время все чаще стали появляться сообщения о синдроме хронической усталости, вызываемом по одним гипотезам вирусом, по другим – недостатком магния в организме, вымываемого алкоголем, кофе и провоцируемом водой с пониженным содержанием магния (особенно чистой озерной) и недостатком витаминов из-за отсутствия овощей.

В 7–9 классах, начитавшись любимых журналов «Юный техник» и «Радио», я увлекся изготовлением «говорящих макетов» транзисторных радиоприемников. Радиодетали свободно продавали в магазинах в отделах радиотоваров или в специализированных магазинах.

Обычно, найдя схему какого-нибудь не очень сложного транзисторного приемника, в течение нескольких часов спаивал ее на кухонном столе. Получалась такая говорящая «радио-сетка» из деталей, покрывающая весь стол.

Через несколько часов или на следующий день разбирал свое произведение и паял новую схему. Меня всегда интересовал процесс пайки и финал: «заговорит» или «не заговорит» собранный приемник с первого раза. Затем наступало самое интересное: начинал из собранной говорящей схемы «выдирать» отдельные радиодетали – смотрел, что из этого получится.

Если приемник не работал, добивался, чтобы он, наконец, заработал. Иногда на это уходило даже несколько дней – перепаивал различные фрагменты. У меня не было тестера, и приходилось паять схемы приемников «вслепую» (без замеров напряжения на контрольных узлах). Когда «дефектный» приемник начинал «вещать», то его, как и все предыдущие, я через несколько часов разбирал. И все начиналось вновь...

Ни одной радиоподделки до финальной сборки, с целью использования в быту, я не доводил. Не имело смысла, т. к. в магазинах уже начали появляться хорошо оформленные латвийские транзисторные радиоприемники «Гауя» и «Спидола».

После окончания 9 класса отец подарил мне 8-миллиметровую кинокамеру «Спорт» за 30 рублей, работающую от батарейки, и книгу «Как самому снять и показать кинофильм». Эта книга цела до сих пор. Сам он уже занимался кинолюбительством года два и обладал 16-миллиметровой кинокамерой «Киев». Мощара!!!

В июне 1966 г. мама отправила меня в район пос. Начики в туристский лагерь, расположенный на р. Плотниковой в 3 км выше моста. Когда приехали на место, то нас разбили по возрастам на отряды. Я, кажется, был во 2-м отряде. Нас поселили в армейские 6-местные палатки по 4–5 человек. Печек внутри не было. Имелись раскладушки, ватные матрасы и по два одеяла. В общем, жилось не холодно. Рядом находилось озеро, в котором удавалось в теплые дни купаться. Мне там очень понравилось.

Через три дня после открытия смены турлагеря ездили на озеро Начикинское за рыбой для кухни. От лагеря до озера расстояние составляло около 15 километров. Туда приехали на «газике» рано утром: шофер, проводник Илья Иванович Селиванов и я. По каким критериям выбрали меня, не знаю. Наверно потому, что был Бугай, хотя девчонки дали кличку Чарли, под которой и стал известен всем в лагере.

Взял с собой кинокамеру «Спорт». Там, на озере начал впервые снимать на 8-миллиметровую пленку. Позже сделал свой первый фильм, который сохранился у меня до сих пор (недавно перевел его на DVD-диск).

Вдвоем с Ильей Ивановичем с резиновой лодки в устье притока озера – р. Прямой поставили сетку. В neun минут через 30 попало около 40 нерок. Затем подъехала машина, которая взяла часть рыбы с собой.

Илья Иванович перегнал лодку в исток р. Плотниковой и сказал, чтобы я сплавился на ней до лагеря. Сам он поедет на машине. Я с радостью согласился и за три часа сплавился без всяких приключений до лагеря.

Как уже сейчас понимаю, рыбы выловили больше, чем разрешали по рыболовному билету, и улов разделили. Вечером в лагере жарили рыбные котлеты, несколько дней варили уху и подавали икру на завтрак к чаю.

Через три дня мы пошли в поход на Больше-Банные источники и р. Карымшину. В поход взяли детей 7–10 классов. Каждому дали рюкзак и большую белую кружку, которая болталась, прицепленная кожаными ремешками за клапан рюкзака. Наше путешествие прошло ровно, без приключений. Если не считать, что однажды я взял без разрешения карабин у Ильи Ивановича и выстрелил один раз в березовый пенек.

Селиванов прибежал напуганный. Думал, что-то случилось. После этого он сказал, чтобы я спал с ним всегда в одной палатке и вообще все время находился у него на глазах. Больше я режим не нарушал.

В туристском лагере у меня появилось много друзей из Петропавловска. Это были Сергей Адаменко и Саша Беспалов (мы жили в одной палатке), Наташа Обломова (позднее Ищенко), Валера Ищенко и другие. С этими людьми иногда встречался уже и во взрослой жизни. С кем-то учился в одном институте, а позднее жил и продолжаю жить в одном городе. Я был влюблен в Наташу, но Валера мне не оставил никаких шансов. Он был мотогонщиком и в сентябре того же года в каком-то заезде на первенство города занял первое место.

Много позже, в начале 1990-х гг., Валерий Федорович и Наталья Ивановна Ищенко стали известными бизнесменами в Петропавловске. Так, В. Ф. Ищенко возглавлял российско-японское предприятие «Пиленго-Годо», построившее несколько рыбоводных заводов на Камчатке, работавших по японской технологии. В настоящее время Валера и Наташа живут в Москве, но на связь не выходят и следы их затерялись.

Когда еще находились в туристском лагере, мы с Сергеем Адаменко и Сашей Беспаловым договорились пойти «дикарями» в Долину гейзеров. Но в последний момент мои товарищи отказались от этого мероприятия, и в Долину гейзеров я отправился один.

Мама дала мне денег на продукты на один месяц и на билет на пароход до пос. Жупаново и обратно. Я купил билет на пароход и спокойно добрался до Жупаново. Здесь прибил к группе туристов, следовавшей в Долину гейзеров по двухнедельной путевке. В этой группе шла Наташа Обломова с подругами из школы № 2, Валера Ищенко остался в городе.

В общей сложности провел в Долине гейзеров 21 день, общался с тремя группами туристов из разных городов СССР, потом со многими переписывался. Снял кинофильм о своем путешествии. Он, как и все остальные, сохранился у меня до сих пор.

В общем, хорошо провел лето после 9 класса.

В Елизовской средней школе № 1 им. М. В. Ломоносова в 9–10 классах у нас училась «сборная солянка». Это было связано с тем, что во многих поселках не имелось 9–10-х классов и дети специально приезжали сюда учиться. Елизовские относились к нам, приезжим, немного свысока – «Понаехали тут...», и дружбы у меня в этот период ни с кем не получилось.

В 9–10 классах мне нравилась камчадалка Наташа Машихина, учившаяся вместе со мной. После школы ее больше никогда не встречал, хотя фамилию эту слышал в Елизово довольно часто. Летом 2000 г. мне позвонил один из братьев Наташи Машихиной – Павел. Он спросил меня, не смогу ли я устроить его племянника к нам на работу в КамчатНИРО.

В свою очередь, я поинтересовался, где сейчас Наташа, не работает ли она в Ассоциации аборигенов Камчатки, т. к. видел там похожую на нее женщину? От него узнал, что сестра сейчас на пенсии и торгует в киоске в Елизово.